

УДК 340

ПРЕОДОЛЕНИЕ УТАИВАНИЯ И УНИЧТОЖЕНИЯ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Левченко Андрей Сергеевич
Магистрант 7-го курса юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет, Краснодар, Россия

Утаивание – распространенная форма противодействия расследованию. Автор данной статьи предлагает, чтобы каждый следователь оставлял в уголовном деле некое подобие записки или обзорной справки, содержащей особые детали, касающиеся утаивания и умолчания об известных обстоятельствах по данному делу, с целью предупреждения коллег от возможности совершить ошибки (в ходе дальнейшего расследования на следующих этапах)

Ключевые слова: ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА, ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ, УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, НАПРАВЛЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ, ЭТАПЫ СЛЕДСТВИЯ, ИСХОДНАЯ ИНФОРМАЦИЯ, СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ, НАЧАЛЬНИК СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛА, ВЕДОМСТВЕННЫЕ АКТЫ

UDC 340

OVERCOMING OF CONCEALMENT AND EXTERMINATION OF EVIDENCE

Levchenko Andrey Sergeevich
Candidate for Master's Degree of 7-th course of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia

Concealment is a common form of resistance to the investigative process. The author of the article suggests that each investigator should leave some comments added to the case papers in a form of a reference on the peculiar details concerning the concealment and the reticence of the evidence on the case in order to prevent the colleagues from possible mistakes in the further investigation

Keywords: INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS, PRELIMINARY INQUIRY, IDENTIFICATION OF A CRIMINAL, INVESTIGATIVE LEAD, INVESTIGATION STEPS, INITIAL INFORMATION, INVESTIGATIVE ACTIONS, HEAD OF THE INVESTIGATIVE AGENCY, DEPARTMENTAL ACTS

Утаивание как форма противодействия расследованию была зафиксирована в 45 % изученных уголовных дел. Эту форму противодействия отметили 67 % опрошенных мною следователей и оперуполномоченных. В значительной степени распространенность данной формы противодействия обусловлена простотой утаивающих процедур. В отличие от таких форм противодействия как уничтожение, маскировка и фальсификация утаивание практически не оставляет после себя следов, так как в большинстве своем основано не на действии, а на бездействии.

Польза умолчания об известных обстоятельствах совершенного преступления уже давно и по достоинству оценена теми, кто его использует в своих интересах, и теми, кто призван преодолевать утаивание в целях раскрытия и расследования преступления. Важной особенностью утаивания в виде умолчания является то, что очевидное, как правило, не скрывается. Скорее наоборот, признается. Преступник делает это с целью демонстрации субъекту расследования своей искренности и для сохранения возможности последующего введения его в заблуждение. Но даже в таком при-

знании существует очень высокий процент утаивания. Например, признается факт похищения подотчетного груза, но умалчивается, кому сбыто похищенное имущество, хотя сам факт сбыта не отрицается. Именно так поступил в ходе расследования и рассмотрения уголовного дела в суде водитель-экспедитор Нальчикской автобазы Г., который похитил из перевозимого груза 10 мешков сахара [1].

Нельзя не учитывать, что в признании факта хищения и умолчания подробностей совершенного преступления скрыто своеобразное «договорное условие» обвиняемого. Иногда оно прямо высказывается следователю или оперуполномоченному в процессе расследования. Суть высказывания состоит в следующем: «Я признаю факт совершения хищения и не отказываюсь от своих показаний в дальнейшем, а ты оставляешь все попытки выяснить подробности совершенного преступления». В результате такого молчаливого, а иногда и прямо оговариваемого соглашения сторон и следователь и обвиняемый остаются при своем интересе. Следователь быстрее направляет уголовное дело в суд, а обвиняемый (подсудимый) получает минимальное наказание за совершенное преступление (как правило, два года исправительных работ с удержанием 20% из заработной платы в доход государства). Этот пример лишний раз иллюстрирует, как количественные показатели работы негативно влияют на качество деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Утаивание одним лицом обстоятельств преступления зачастую побуждает к утаиванию других субъектов, осведомленных о преступном событии. Исходя из особенностей хозяйственной деятельности, такими лицами (т.е. лицами, которых будут склонять к утаиванию) могут быть любые работники предприятия или организации, включая и самих руководителей предприятия. Мотивами их утаивания может быть прямая корыстная заинтересованность и боязнь быть привлеченным к уголовной ответственности или же добросовестные заблуждения и ложно понятые интересы предприятия или отдельных лиц.

Говоря о тактике преодоления утаивания, нельзя не отметить одну особенность, которую в процессе анкетирования подчеркивали многие практические работники дознания и следствия. Они указывали, что иногда

утаивание и фальсификацию в виде дачи ложных показаний можно преодолеть путем демонстрации своего знания о причинах противодействия свидетеля. Примерно треть из числа опрошенных следователей и оперуполномоченных отмечали, что демонстрация осведомленности о причине умолчания и лжи оказывает существенное позитивное влияние на психику допрашиваемого свидетеля.

Под «обнаженной демонстрацией» мы понимаем такой прием преодоления утаивания или фальсификации, в котором основной акцент делается на положительные качества допрашиваемого свидетеля. На этом положительном фоне ему показывается вся неприглядность того соглашения, на которое он пошел с инициатором противодействия, заинтересованном в утаивании или фальсификации последствий совершенного преступления. Значительное место в осуществлении данного приема занимают демонстрации мелких подробностей, которые создают преувеличенное представление у противодействующих лиц об уровне информированности следователя. Демонстрация положительных качеств свидетеля должна обязательно осуществляться на фоне отрицательных качеств преступника, в интересах которого действует свидетель. Тем самым подчеркивается вся низость поступка, совершенного свидетелем. Иными словами, необходимо наглядно продемонстрировать несопоставимость качеств свидетеля и тех действий, которые он предпринимает.

Весьма распространенным способом создания условия для утаивания последствий преступной деятельности является «... распространение преступниками слухов и страхов о своем могуществе» [2].

Действительно, в преступной деятельности расхитителей существует задача распространения информации о своей силе и могуществе. Но важной особенностью является то, что акцент делается не на возможную месть, а на неуязвимость субъектов преступной деятельности. Всячески подчеркивается бесполезность намерений разоблачить и привлечь преступника к уголовной ответственности. Таким образом, происходит косвенное внушение следующей установки: «В случае, если бесполезны сами усилия, то и предпринимать их не стоит». Указанная закономерность прослеживалась нами в период практической работы. На нее же обращали

внимание следователи и оперуполномоченные в процессе анкетирования. В практике раскрытия и расследования преступлений нередки случаи, когда свидетелей запугивают неблагоприятными последствиями за дачу правдивых показаний. Но еще больше отбивает у них желание давать правдивые показания то сомнение, что, несмотря на расследование, преступник останется безнаказанным. И именно эту мысль навязывают в общении со свидетелями инициаторы противодействия и связанные с ними лица. Соответственно оперативный работник и следователь должны учитывать это обстоятельство в ходе расследования.

В практической работе сотрудникам правоохранительных органов приходится сталкиваться со случаями, когда расхитители распускали слухи и запугивали свидетелей своими связями с тем оперуполномоченным, который вызывает свидетеля на допрос. Это приводит к тому, что попытки «оговоренного» сотрудника установить причины, по которым свидетель умалчивает об известных ему обстоятельствах, ни к чему не приводят. Более того, настойчивость следователя или оперуполномоченного в установлении причин утаивания может рассматриваться свидетелем, как попытка проверить, знает ли он о связи работника милиции с преступником. Очевидно, что подобная ситуация противодействия начисто исключает возможность дачи свидетелем правдивых показаний. В практике встречаются три типа оговора субъекта расследования преступниками и связанными с ними лицами, которые могут приводить к утаиванию свидетелями известных им обстоятельств совершенного преступления:

1. Демонстрация перед свидетелем своего знакомства с некоторым следователем или оперуполномоченным либо их руководителями. Важно учесть, что демонстрируется не просто знакомство, а определенное покровительство этих должностных лиц преступнику.

2. Демонстрация знакомства и совместной преступной деятельности. Необходимость установления и нейтрализации подобных слухов нельзя недооценивать. В этой связи следует сказать, что нежелательно посещение обслуживаемых предприятий с портфелем или сумкой, которые сторонние наблюдатели могут рассматривать как тару для выноса похищенного. В нашей практике имел место случай, когда несколько дней приходилось

демонстративно выходить с территории одного из предприятий в расстегнутом пальто и с тонкой папкой в руках с целью нейтрализации распушенных слухов.

3. Распускание слухов о том, что следователь или оперуполномоченный находится на содержании у преступника. На первый взгляд, данная ситуация ничем не отличается от двух предыдущих. Но мы особо хотим подчеркнуть ее самостоятельное значение именно в силу качественной стороны содержания. В двух предыдущих случаях расхититель демонстрирует связь с вышестоящим или равным субъектом. В данном случае главным является стремление показать ничтожность сотрудника, его зависимость от преступника. Вербально подобная связь формулируется следующим образом: «Он у меня кормится».

В зависимости от конкретных обстоятельств предварительной проверки или расследования уголовного дела могут иметь место различные сочетания приведенных типов дискредитирующих слухов. Хотим еще раз подчеркнуть мысль о том, что своевременное установление содержания подобных слухов особенно важно в решающие моменты расследования. Недооценка самой возможности подобных действий инициатора противодействия или связанных с ним лиц может привести к созданию вокруг субъекта расследования информационного вакуума.

Характер дискредитирующих слухов отражает и реально существующие типы связей преступников с коррумпированными сотрудниками правоохранительных органов. В первом случае сотрудник является как бы покровителем субъекта преступной деятельности, во втором – равным по положению в преступной иерархии, в третьем случае – выполняет разовые поручения, находится в полной зависимости от субъекта преступной деятельности и кормится «кусками» со стола тех, кому он служит.

Отличительной особенностью неявики по вызову следователя является то обстоятельство, что расхитители довольно часто прибегают к данной мере в случае, когда уголовное дело возбуждается по факту недостачи. Так, например, привлеченная к уголовной ответственности и ранее дважды судимая Д. длительное время не являлась к следователю. Тем самым она начисто исключила возможность что-либо установить по факту совершен-

ного преступления в ходе ее допросов. Несмотря на довольно внушительную сумму недостачи мягкого инвентаря (около 5 тыс. руб.) уголовное дело было прекращено [3].

При изучении подобных фактов возникает ряд вопросов, которые к сожалению, не находят отражения в материалах уголовного дела. Речь идет об отношении к факту выявленной недостачи руководителей предприятий и организаций. Как правило, эта категория лиц не спешит принимать меры по взысканию причиненного преступником ущерба. Официально такая неторопливость объясняется тем, что следствием не установлена причина недостачи. Но думается, что причина в другом. Как показывает практика, в тех случаях, когда с материально ответственного лица начинают взыскивать (вычитать) сумму недостачи, оно становится более разговорчивее и охотнее идет на контакт со следователем или оперуполномоченным. Более того, в подобных случаях эти лица сами проявляют инициативу для встречи со следователем. Такое их поведение объясняется довольно просто. В большинстве случаев к ним не попадает основная часть тех денег или имущества, которые в материалах инвентаризации отражаются как недостача.

В этой связи один характерный пример. Проводники, перевозящие винно-водочную продукцию, молчат о причинах образования недостачи до тех пор, пока с них не начинают взыскивать всю сумму причиненного ущерба. Но как только они начинают говорить правду, то выясняется, что указанное в позиции "бой" не соответствует действительности. Реально в позиции «бой» и «выхлоп» входит: выпитое грузчиками при погрузке в вагон; проданное грузчиками, а иногда и самим проводником, покупателям со стороны; переданное различным должностным лицам предприятия, выпускающего отгружаемую продукцию; обмененное у грузчиков других бригад на продукцию, которую они погружают или разгружают.

Особо следует подчеркнуть, что обмененные таким образом похищенные товары частично попадают к тем должностным лицам, которые в конечном итоге решают вопрос о взыскании суммы недостачи с проводника. Поэтому для преодоления утаивания материально ответственным лицом причины образовавшейся недостачи можно рекомендовать добиваться

если не предъявления иска, то хотя бы издания приказа по предприятию о взыскании с данного материально ответственного лица суммы недостачи.

Подобные действия имеют ряд положительных для расследования моментов. В первую очередь, субъект расследования имеет возможность установить отношение руководителей предприятия к факту недостачи, т.е. определить, хотят они или не хотят предъявлять иск конкретному материально ответственному лицу, у которого выявлена недостача, и сделать соответствующие предварительные выводы об их причастности к хищению. В случае если после письменного уведомления меры руководителями предприятия не будут приняты, следует выносить официальное предостережение конкретным руководителям или должностным лицам о непринятии мер к обеспечению возмещения причиненного материального ущерба. Во-вторых, такая мера судебного или административного признания необходимости возмещения суммы недостачи приводит к тому, что данное материально ответственное лицо, длительное время уклонявшееся от явки в орган расследования и утаившее причины недостачи, начинает искать защиту от экономических санкций именно у того, от встреч с кем оно длительное время уклонялось. Не следует думать, что так поступят все, в отношении кого уголовное дело возбуждено по факту недостачи. Те, кто действительно виноват, будут продолжать уклоняться от явки и иным образом противодействовать расследованию. Но та категория лиц, которой предстоит расплачиваться за действие своих руководителей, обязательно пойдет на встречу со следователем. В некоторых случаях допрос или доверительная беседа с данной категорией лиц помогает выяснить многие интересные следователя факты, которые трудно установить без подобной «экономической встряски».

Еще одной негативной особенностью существующей практики расследования уголовных дел является то, что следователи – даже после довольно продолжительных периодов уклонения подсудимых от явки – не пытаются зафиксировать причины подобных действий. Возможно, в устных беседах что-либо и выясняется, но в материалах уголовного дела это не находит своего отражения. Тот же подход наблюдается и в случае использования преступниками других форм противодействия расследова-

нию. Составляя такое «рафинированное» уголовное дело, следователь практически лишает последующие инстанции его производства возможности начинать исследование обстоятельств преступления и складывающейся вокруг дела обстановки с достигнутого предыдущим субъектом уровня расследования. Таким образом, каждый субъект расследования начинает работу как бы заново. В отсутствии преемственности состоит один из главных недостатков работы по раскрытию и расследованию преступлений. Каждому следователю, вновь принимающему уголовное дело к своему производству, со всем приходится сталкиваться в первый раз. А отсутствие в уголовном деле информации о возможном противодействии лишь увеличивает степень неподготовленности следователя к предупреждению и преодолению противодействия. Именно из сказанного автор исходил, когда пришел к убеждению, что каждый следователь должен оставлять в уголовном деле некое подобие записки или обзорной справки. В этом документе должны быть отражены (перечень позиций приблизительный):

1. Характеристики лиц, проходивших по уголовному делу, и в первую очередь тех, кто активно противодействовал расследованию. Сюда следует включить также оценку искренности свидетелей при допросах и установление следователем причины утаивания или лжи. Следует зафиксировать те качества лиц, проходивших по уголовному делу, которые не нашли отражения в материалах, но могут быть полезны другому следователю для преодоления возможного противодействия.

2. Сведения, полученные в ходе допросов, различных бесед и встреч, которые не имеют прямого отношения к расследуемым обстоятельствам, но значение которых может быть полезным для предупреждения и преодоления противодействия.

3. Различные события и обстоятельства, которые явились следствием противодействия или в которых проявлялось противодействие заинтересованных лиц.

При составлении справки не следует ее чрезмерно расширять. Она должна представлять собой предупреждение своего коллеги о том, что стало известно следователю и оперуполномоченному в процессе раскры-

тия и расследования данного преступления, предостережение от возможности повторить ошибки предшествующего субъекта расследования.

Литература

1. Уголовное дело №14767 (архивный номер 1-91, 01)//Архив Нальчикского городского суда, №1-14767/91-01.
2. Организованная преступность./ Под ред. Долговой А.И., Дьяконова С.В., М., 1989. С.26.
3. Уголовное дело №21689 (архивный номер 13125)// Архив Черкесского городского суда. 1997.